

Научная статья

УДК 343.2/.7; 93/94; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-1-19-27

ВЗЯТКА В МЕНТАЛЬНОСТИ ЧИНОВНИКОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

✉ **Вахмистров Вениамин Павлович.**

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, Санкт-Петербург, Россия.

Доильницын Алексей Борисович.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

✉ ven_sv@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья имеет целью научное осмысление взяточничества как инварианта чиновничьей ментальности дореволюционной России, сложившейся как результат взаимосвязи ряда социально значимых факторов политико-правового, экономического и социокультурного характера. Актуальность статьи определяется высокой адаптивностью взяточничества к различным историческим условиям и необходимостью его адекватного осмысления. Методы, применяемые в исследовании, представляют собой диалектическое единство историко-описательного, формально-юридического и аналитического методов. Результат исследования позволяет получить сущностно более глубокую картину генезиса и детерминации такого социально сложного и противоречивого феномена, как взяточничество.

Ключевые слова: чиновник, сановник, злоупотребление, взятка, взяточничество, коррупция

Для цитирования: Вахмистров В.П., Доильницын А.Б. Взятка в ментальности чиновников дореволюционной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 1 (70). С. 19–27. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-1-19-27

Scientific article

BRIBES IN THE MENTALITY OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN OFFICIALS

✉ **Vakhrmistrov Veniamin P.**

Military medical academy named after S.M. Kirov, Saint-Petersburg, Russia.

Doilnitsyn Alexey B.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

✉ ven_sv@mail.ru

Abstract. This article aims to provide a scientific understanding of bribery as an invariant of the bureaucratic mentality in pre-revolutionary Russia, which emerged as a result of the interplay of a number of socially significant factors of a political, legal, economic and sociocultural nature. The relevance of the article is determined by the high adaptability of bribery to various historical conditions and the need for its adequate interpretation. The methods used in the study are a dialectical combination of historical-descriptive, formal-legal and analytical approaches. The research results provide a deeper understanding of the genesis and determination of such a socially complex and controversial phenomenon as bribery.

Keywords: official, dignitary, abuse, bribe, bribery, corruption

For citation: Vakhrmistrov V.P., Doilnitsyn A.B. Bribes in the mentality of pre-revolutionary Russian officials // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 1 (70). P. 19–27. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-1-19-27

Основой социального управления являются люди. На них возложены полномочия по проведению политики в различных областях общественной жизни. Именно от кадрового состава, его профессиональных и нравственных качеств зависит эффективность работы государственного аппарата. Чиновничество не только является функционально необходимым элементом государственного механизма, но и во многом определяет его «физиономию».

© Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2026

Первоначальное деление государственного управленческого аппарата на два вида – гражданский и военный – обусловило и специфическое толкование термина «чиновник». Прежде всего, это были, выражаясь современной терминологией, государственные гражданские служащие. Более того, как отмечает один из первых крупных исследователей российского чиновничества писатель и историк Е.П. Карнович, поначалу данный термин применялся только к низшему рангу представителей гражданской государственной службы, высшие же должностные лица именовались сановниками [1, с. 4]. Тем не менее к середине XIX в. термин «чиновничество» прочно вошел в обиход по отношению ко всем представителям государственной власти. При этом, как отмечает ряд авторов соответствующих исследований, данное название зачастую имело негативную коннотацию [2–4], например, такую: «В широком обществе слово «чиновник» произносится с каким-то своеобразным едва уловимым оттенком в голосе – не то ироническим, не то пренебрежительным» [5, с. 14].

Тем не менее на первых порах слово «чиновник» было содержательно нейтрально и подразумевало лицо, жалованное чином. Термин «чин» введен в нормативный документооборот Российского государства в первой четверти XVIII в. Петром I в результате принятия 22 января 1722 г. «Табели о рангах всех чинов...», при том, что само слово на практике использовалось и ранее. В XVI в. под чином понимали группу лиц определенной профессии, а в более узком смысле – те или иные разряды или должности военно-придворной службы. В отличие от «Табели о рангах», московские придворные чины не имели строгой градации и не предполагали определенного порядка прохождения. Позднее смысл слова «чин» стал определяться также как «служебный разряд (класс)» [6].

«Служилые люди», в том числе «приказные» (позже получившие наименование чиновники), зачастую не пользовались расположением населения, так как, по утверждению Е.П. Карновича, с одной стороны, обладали чрезмерной полнотой власти, доходившей до произвола из-за неудовлетворительной организации государственного управления; с другой стороны, на службу часто попадали люди, не обладающие необходимыми человеческими и служебными качествами по причине отсутствия должного профессионального отбора.

Была и внутренняя дифференциация чиновничества. Так, чиновники низших и средних уровней управления относились даже общественным мнением к «серой скотинке», вечно нуждающейся, забитой и идущей «позади других общественных слоев населения» [7, с. 116]. Что же касается сановников, то они не вызывали положительных эмоций у населения в силу своей отчужденности как от самого населения, так и от его нужд. Министр внутренних дел О.П. Козодавлев отмечал в записке «Об излишней привязанности гражданских чиновников к чинам и о средствах к пресечению зла, от чинов происходящего», поданной 15 июля 1816 г. П.А. Аракчееву: «...Ныне всякий ищет места в статской службе не для того, чтоб исполнить долг свой и быть государству полезным, употребляя в дело знания свои и способности, или же, чтоб чрез опытность приобрести таковые, но единственно, чтоб выйти в чины и переменяя места возвышаться чинами, не заботясь о исполнении своего долга и о знаниях с местом занимаемым сопряженных» [8, с. 245].

Обращаясь к историческим источникам, характеризующим облик российского чиновника (всех уровней государственного управления), нельзя не обратить внимания на то, что абсолютное большинство исследователей как дореволюционного, так и более поздних периодов, единодушно отмечают одну устойчивую черту, присущую ему – взяточничество. Как отмечает известный советский и российский социолог И.А. Голосенко, «подкуп административного лица есть прочная традиция российского государственного быта, по крайней мере, несколько последних столетий» [9, с. 106].

Взятка как инвариант ментальности российских чиновников берет свое историческое начало еще в XI в. По утверждению русского историка права М.А. Дьяконова, в этот период не существовало даже понятия «государственное жалование», тем не менее, князьям необходимо было содержать («жаловать») своих дружинников. В дошедших до нас византийских источниках «жалование чиновникам» понималось как «честь и власть, яже от князя» [10, с. 39, 83]. Почетом и назначением на должности князья награждали своих дружинников. Это давало последним также доступ к значительным материальным благам.

С ростом управленческого аппарата стала широко практиковаться система кормления. Должностные лица начали получать в свою пользу известный доход, который составляли судебные пошлины и так называемый корм. Размеры таких доходов устанавливались первым письменным сборником законов – Русской Правдой. Так, вирник получал 8 гривен с простой виры, метальник 12 векши от виры, отрок с продажи в 12 гривен получал 2 гривны 20 кун. Кроме законодательно установленных, чиновниками активно применялись и незаконные способы улучшения своего материального благосостояния. Например, посадники и тиуны для увеличения дополнительных доходов от суда допускали ряд злоупотреблений при обложении уголовными штрафами, о чем есть упоминания в Ипатьевской летописи [11].

Кроме денежного сбора, должностные лица получали также «корм в натуре»: продовольствие для себя и слуг, фураж для лошадей. Показательно, как в Русской Правде указывается определенно размер корма вирнику: «7 ведер солоду на неделю, да овен, или полоть¹, а в среду же сыр, а в пятницу такоже; а куров ему по двое на день, а хлебов 7 на неделю, а пшена семь уборков, а гороху також, а соли 7 голважень». Хлеба полагалось, сколько может съесть. Лошадей вирнику полагалось иметь не более четырех «и сути им на рот сколько могут зобати (съесть)» [12].

Такой способ материального обеспечения должностных лиц, несмотря на свою первоначальную естественность, в дальнейшем обрел негативные последствия. Должность стала рассматриваться не как публичное место служения Отечеству и обществу, а как частная доходная статья. Как отмечает М.А. Дьяконов, каждый слуга смотрел на должность не только как на средство прокорма, но соразмерял все свои должностные действия с расчетом, какой доход последует за этим лично ему. Таким образом, добавочный элемент должности постепенно выдвинулся на первый план и обрёл важнейшее значение в сознании чиновников [10, с. 180].

Система кормлений официально просуществовала в России до середины XVI в. и была законодательно отменена в ходе земской реформы 1555–1556 гг. «Царский приговор о кормлениях и службе 7064 г.» стал законодательной основой для введения новой модели материального обеспечения (денежного и земельного) служилых людей [13]. В этот период начинает применяться поместный оклад – выделение поместной земли (поместий), которой мог пользоваться служилый человек. Правовые основы поместного землевладения были закреплены в Судебнике 1497 г. Однако изменить сложившееся стяжательское мировоззрение чиновников это не смогло.

В XVII в. чиновничеству за службу начинают выплачивать денежное вознаграждение от государства – жалование, которое складывается, как правило, из двух частей: «новичного» оклада, соответствующего занимаемому разряду и «придач» – индивидуальных награждений за службу. Выплата жалования производилась один или два раза в год. Однако на практике она нередко задерживалась, а получение нового чина не гарантировало незамедлительного повышения оклада. Невыплата или нерегулярная выплата жалования чиновникам продолжалась практически до XIX в. [1].

Сумма денежного оклада для разных категорий чиновников существенно отличалась. Так, денежные оклады думных дьяков (высший уровень чиновничества) в течение XVII в. увеличивались. Если в 1627 г. их оклад составлял 650 руб. в год, то в 1670-х гг. эта сумма была уже 2 560 руб. в год, а в 1691 г. достигла 3 255 руб. в год [14, с. 119]. Денежные оклады приказных дьяков были в несколько раз ниже и составляли от 80 до 150 руб. в год. Московские подьячие получали и того меньше – их оклады составляли от 1–5 руб. (молодых подьячих) до 16–50 руб. (старых подьячих) при «прожиточном минимуме» в 1690-х гг. примерно 7 руб. 50 коп. в год². При этом известно только о двух старых подьячих, имевших оклад в 50 руб.: посольского приказа А. Шахов и разрядного Г. Ларионов [14, с. 127].

¹ Овца или полутуша барана или свиньи

² Соборное уложение 1649 г. URL: <https://istmat.org/node/43259#p24> (дата обращения: 20.12.2025)

Денежные оклады дополнялись «придачами», выплатами стимулирующего характера (например, на праздник) или в качестве материальной помощи (на свадьбу, смерть родственников, приобретение необходимой одежды). Например, на приобретение зимней одежды («на кафтанишко и сапоженки») единовременная выплата составляла от 50 коп. до 1 руб. Что касается местных подьячих, то их оклады существенно различались, в зависимости от «географии». В разных районах страны размер жалования до 1640-х гг. определялся воеводами, и только с 1647 г. были установлены единые размеры окладов, утвержденные Москвой. В ряде приказных изб это привело к существенному снижению денежных выплат (к концу века размер окладов снизился вдвое).

Денежные выплаты дополнялись натуральным жалованьем, в которое входили продукты питания (хлебное жалование, соляное жалование) и необходимые товары и предметы обихода (ткани, одежда, дрова и т.д.). Однако натуральное жалование платилось далеко не всем, а преимущественно высшим чиновникам. Управленцы среднего или низшего звена далеко не всегда могли рассчитывать на такие выдачи. Все это являлось питательной почвой для укрепления в сознании чиновников модели «кормления от дел».

Можно констатировать, что официальное вознаграждение чиновников низшего и среднего звена было весьма скромным на протяжении всего дореволюционного периода истории России [15, 16]. Размер должностных окладов чиновников высших и низших категорий мог различаться в 30 раз [17, с. 93].

При этом неофициальные доходы чиновников зачастую в несколько раз превышали официальные. Примечательно, что доходы такого рода вполне признавались на правительственном уровне. Так, в указе от 9 декабря 1697 г. прямо закрепляется два вида источников дохода подьячих: «за его, великого государя, жалование и за подаяние от челобитчиков они питаютца». При этом объем и характер подношений можно проследить по «издержечным книгам» – официальным финансовым документам, в которых открыто фиксировались размеры подношений.

В этот период также достаточно активно используются «почести» (подношения участников дела с целью его успешного продвижения) и «поминки» (плата за выполнение определенной работы, преимущественно входившей в обязанности чиновника, с целью избежать затягивания дела). Такие виды подношений (посулов) прочно закрепились в менталитете российского чиновничества и воспринимались как должное.

Любопытно, что законодательно посул, разновидностями которого являлись «почести» и «поминки», был запрещен еще Судебником 1497 г., однако никакие санкции за его получение не предусматривались. Как указывают исследователи, не удалось обнаружить никаких документов, указывающих на привлечение к ответственности чиновников за получение посула [18, с.73].

Соборное уложение 1649 г. прямого запрета на получение посула уже не содержало. В целом законодательство XVII в. было весьма неоднородно на этот счет. Исключая упоминание об ответственности за посул из Соборного уложения 1649 г., законодатель устанавливает ряд запретов на получение подношений в других нормативных правовых актах того периода. Такая законодательная противоречивость не только не способствовала искоренению взяточничества, но в какой-то мере даже легализовала взятку.

Попытка изменить ситуацию и окончательно криминализовать взятку была предпринята Петром I. 24 декабря 1714 г. был издан указ «О воспреещении взяток и посулов и о наказании за оное», которым запрещалось получение любого вознаграждения за ведение дел, кроме жалования. Документ устанавливал ответственность не только за получение взятки, но и за посредничество в ее получении. Устанавливались суровые наказания, предусматривающие лишение имущества, телесные наказания, даже смертную казнь.

Необходимо отметить, что это был не первый законодательный акт Петра I, направленный на искоренение взяточничества. Наказания за получение взяток предусматривались целым рядом иных законов: Указом 1704 г. об организации Ижорской канцелярии рыбных ловель, Указом 1705 г. о наборе рекрут, Указом 1713 г. о пресечении

грабительств в народных сборах, о платеже всех податей вместе на четыре срока и о способах взыскания недоимок и рядом других. Несмотря на строжайшие запреты и введение суровых наказаний для взяточников, существенных изменений в представлениях чиновников о допустимости получения взяток не возникло.

Не была устранена Петром I и законодательная непоследовательность. Например, Артикул воинский 1715 г., являвшийся по сути уголовно-правовым законом, не содержал нормы, предусматривающей ответственность за взятку. Более того, в 1720 г. Генеральным регламентом (уставом государственной гражданской службы в России в XVIII–XIX вв.) закреплялись акциденции – целевые сборы (например, от челобитчиков), обращаемые в доход чиновников или на уплату им жалования. Такая практика применялась, например, в таможенном деле, в соответствии с указом от 23 ноября 1724 г. «О назначении суммы на выдачу жалованья портовой таможни слугителям» [19].

В послепетровский период неоднократно принимались нормативные акты, предусматривающие ответственность за получение «подношений». Например, Указ от 7 ноября 1739 г. «О взыскании за похищенное из казны и за взятки», Указ от 6 марта 1761 г. «О запрещении взяток и задержки при осмотре проезжающих на заставах», Указ от 18 июля 1762 г. «Об держании судей и чиновников от лихоимства» и др.

В XIX в. нормативные запреты подкреплялись организационными мероприятиями, направленными на пресечение взяточничества. Например, в период царствования Николая I были введены регулярные ревизии, одной из задач которых была, выражаясь современным языком, антикоррупционная деятельность. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. появляется отдельная глава «О мздоимстве и лихоимстве», предусматривавшая уголовную ответственность за взятки. Причем, криминализировались два вида взяток – мздоимство и лихоимство. Как указывал известный русский юрист Лохвицкий А.В.: «Остается догадываться, что под мздоимством он (закон) понимает принятие взятки для совершения дела законного, а под лихоимством – для дела незаконного» [20, с. 424]. Лохвицкий А.В. особо указывает, что «основной характер этого преступления (взяточничества) – унижение достоинства правительства его агентами, нарушение ими условий с правительством о вознаграждении за службу», а при совершении дела незаконного, отмечал он, присовокупляется еще и нарушение интересов третьих лиц.

Несмотря на усиление официального противодействия взяточничеству, такая борьба не приносила желаемого результата. Не были эффективны и попытки общественного воздействия на взяточников.

В 1830 г. писатель Э.П. Перцов опубликовал сатирический памфлет «Искусство брать взятки», в котором обличал систему взяточничества в России. Автор приводит три основных способа брать взятки (натурою, деньгами и «взаимными одолжениями или по должности, или по приязни») и сатирическое описание способов ухода от ответственности. Надо сказать, что данная книга стала одной из первых в ряду художественных произведений, бичевавших это российское зло. Сам автор назвал свое произведение «юмористическою шуткою над взяточниками, написанною..., чтобы сим способом стать на ту точку, с которой сей предмет виднее со всех сторон, и может быть осмеян удовлетворительнейшим способом» [21].

Позже «сей предмет» был объектом внимания и осмеяния выдающихся представителей русской литературы – Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, А.Н. Островского, А.П. Чехова и др. Высмеивая взяточников и взяточничество, лучшие российские писатели старались сформировать общественное мнение, основанное на нетерпимости к «скверноприбытчеству» всех мастей. Но и такая форма общественного порицания не могла существенным образом изменить ментальность российского чиновника, которая парадоксально и акцентировано пародийно выразилась в словах внутреннего голоса чеховского героя, пришедших ему на похоронах: «Бескорыстен, неподкупен, взяток не берет! Ведь про живого человека это можно говорить только в насмешку-с» [22, с. 472].

Способствовала процветанию взяточничества также мягкая правоприменительная практика: виновные зачастую отделялись незначительными взысканиями. По утверждению Д.О. Серова, под суд попадали преимущественно чиновники, обвинявшиеся не только и не столько во взяточничестве, сколько в совокупности преступлений и, прежде всего, в казнокрадстве [23].

Представляется, что такая «человеколюбивая» реакция официальной власти на «прегрешения» государственных служащих обуславливалась не только гуманистическими соображениями по отношению к преступнику, но зачастую экономическими и узкогрупповыми политическими причинами.

Так, в XVII–XVIII вв. поборы с населения в пользу чиновников позволяли специфически решать проблему дефицита казны, обесценивания денег и компенсировать неполученное или недостаточное для обеспечения высокого уровня жизни чиновников жалование (ярким примером тому служат уже упомянутые акциденты). Это даже позволяло экономить на размере должностных окладов разросшегося числа чиновников, вопрос о способах содержания которых «являлся одним из главнейших государственно-финансовых вопросов» [1, с. 51].

Особенно ярко злоупотребления проявлялись в высших сферах власти. Как указывал Е.П. Карнович в своем фундаментальном исследовании «Замечательные богатства частных лиц в России»: «лица, поставленные на высокие государственные должности, не имевшие сами по себе обеспечивавшего их состояния и не получавшие от правительства необходимой материальной поддержки, старались составить себе достаток иными, незаконными способами. Такие способы все более и более входили в обычай и обращались в привычку» [24, с. 11].

Не чужды этому обычаю были даже представители великокняжеских семейств, о материальном благополучии которых пеклось целое министерство – Министерство императорского двора. В этой связи показателен следующий «безобидный эпизод», описанный В.Г. Короленко. Молодой, талантливый и честный командир военного корабля отказался принять большую партию угля низкого качества. Подрядчик был человек влиятельный и через некоторое время на корабль «явился генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич. ...На судне все оказалось в образцовом порядке. Обойдя корабль от палубы до трюма с сдержанным видом, великий князь сказал на прощание: – Хорошо... Но, говорят, вы притесняете подрядчика. Это не надо...» [25, с. 498].

Что касается политических причин, то известный русский публицист П.А. Берлин недвусмысленно утверждал: «взяточничество неразрывно связано и срослось со всем строем и укладом политической жизни» [26, с. 48]. С одной стороны, лица, имеющие определенное политическое влияние и способные «порадеть» за просителя, ждут от него сильного материального стимулирования своей деятельности и получают его. С другой стороны, сама верховная власть в лице императора и членов его семьи заинтересована в лояльности многочисленных сановников, которые при определенных условиях могут создать оппозицию и выступить против правящей династии. В этом случае имела место «покупка» политической лояльности со стороны царедворцев и высших сановников. Как смело для своего времени писал М.Е. Салтыков-Щедрин, сам бывший в течение нескольких лет вице-губернатором Рязани, а затем Твери: «что может быть покладистее, уживчивее и готовнее хорошего, доброго взяточника? Ради возможности стянуть лишнюю копейку он готов ужиться с какой угодно внутренней политикой, уверовать в какого угодно Бога» [27]. Этим, по-видимому, объяснялись и достаточно мягкие наказания в отношении взяточников.

Самодержавная власть имплицитно поощряла взяточничество, являвшееся надежным рычагом управленческого воздействия на чиновничество всех уровней. Русский и советский историк И.М. Катаев отмечал: «Едва ли не в каждое царствование раздаются призывы к администрации честно исполнять обязанности на благо и счастье подданных; за злоупотребления, взяточничество, лихоимство высшая власть угрожает карами. За парадной внешностью, за иностранными названиями учреждений и должностей, скрываются, собственно, нравы и приёмы приказных подьячих старого «добраго времени». Старинный взгляд на гражданскую должность, как на пожалование для личного обогащения, продолжает жить, несмотря на всю борьбу с ним» [28, с. 15].

Таким образом, взятка как инвариант ментальности чиновников в дореволюционной России была обусловлена многими факторами социально-политического, экономического и культурного уклада общественной жизни, самой организацией политико-правовой системы, закладывавшей нравственные основы взяточничества, когда социально осуждаемое деяние превращается в чиновничью доблесть.

Список источников

1. Карнович Е.П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб.: Тип-я П.П. Сойкина, 1897. 127 с.
2. Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации: записка, составленная в декабре 1903 г. СПб.: Тип-я М.М. Стасюлевича, 1913. 280 с.
3. Бразоленко Б. Очерк развития бюрократии в России // Вестник знания. 1903. № 8. С. 15.
4. Ольшевский И. Бюрократия. М.: Изд-во В.М. Сабина, 1906. С. 53–68.
5. Л-в С.А. По поводу письма «Старого чиновника» // Спутник чиновника. 1911. № 5. С. 12–16.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
7. Крылова Е.Н. Образ российского чиновника начала XX в. на страницах журнала «Спутник чиновника» // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. СПб: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2020. Т. 1. С. 112–118.
8. Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии / под ред. Н. Дубровина. Вып. 1., Вып. 7/26. СПб., 1895. 480 с.
9. Голосенко И.А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // ЖССА. 1999. № 3. С. 105–119.
10. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 2-е изд. СПб., 1908. 489 с.
11. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд.. СПб.: Тип-я М.А. Александрова, 1908.
12. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д.С. Лихачева и др. Т. 4: XII век. СПб: Наука, 1997. 685 с.
13. Носов Н.Е. Уложение о кормлениях и службе 1555–1556 гг. // В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины / отв. ред. М.Б. Свердлов. Л.: Наука, 1985. Т. 17. С. 58–87.
14. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1987. 233 с.
15. Писарькова Л.Ф. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века // Отечественные записки, 2004. № 2. С. 358–370.
16. Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России: материалы к проекту Положения о гос. подоходном налоге. СПб.: Тип-я П.П. Сойкина, 1906. 95 с.
17. Чевтаева Н.Г. Социология чиновничества в России: дореволюционное наследие и современность. // Мир России. 2009. № 3. С. 85–113.
18. Серов Д.О. Петр I как искоренитель взяточничества // Исторический вестник. 2013. Т. 3. № 150. С. 70–95.
19. Балковая В.Г. Акциденция и ее значение для развития таможенной службы России XVIII века // Вестник Российской таможенной академии. 2012. № 4. С. 5–10.
20. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. 704 с.
21. Перцов Э.П. Искусство брать взятки: рукопись, найденная в бумагах Тяжалкина, умершего титулярного советника. СПб.: Тип-я Н. Греча, 1830. 74 с.

22. Чехов А.П. Оратор // Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 4. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1961. С. 469–472.
23. Серов Д.О. «Взяток не имал, а давали в почесть...». Взятничество в России от царя Алексея Михайловича до царя Петра Алексеевича // Отечественные записки. 2012. № 2 (47). С. 211–223.
24. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России: экономико-историческое исследование. СПб., 1874. 380 с.
25. Короленко В.Г. История моего современника. Книга вторая // Собр. соч. в 5 т. Т. 4. Л.: Худож. лит-ра, 1990. 655 с.
26. Берлин П.А. Русское взяточничество как социально-историческое явление // Современный мир. 1910. № 8. С. 42–50.
27. Салтыков-Щедрин М.Е. Помпадурсы и помпадурши. Сказки. М.: Правда, 1985. 447 с.
28. Катаев И.М. Дореформенная бюрократия: по запискам, мемуарам и литературе. СПб.: Кн-во типо-лит. «Энергия», 1914. 180 с.

References

1. Karnovich E.P. Russkie chinovniki v byloe i nastoyashchee vremya. SPb.: Tip-ya P.P. Sojkina, 1897. 127 s.
2. Berendts E.N. O proshlom i nastoyashchem russkoj administracii: zapiska, sostavlenaya v dekabre 1903 g. SPb.: Tip-ya M.M. Stasyulevicha, 1913. 280 s.
3. Brazolenko B. Oчерk razvitiya byurokratii v Rossii // Vestnik znaniya. 1903. № 8. S. 15.
4. Ol'shevskij I. Byurokратиya. M.: Izd-vo V.M. Sabina, 1906. S. 53–68.
5. L-v S.A. Po povodu pis'ma «Starogo chinovnika» // Sputnik chinovnika. 1911. № 5. S. 12–16.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M.: Az", 1992.
7. Krylova E.N. Obraz rossijskogo chinovnika nachala HKH v. na stranicah zhurnala «Sputnik chinovnika» // Reformy v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf. SPb: Leningradskij gos. un-t im. A.S. Pushkina, 2020. T. 1. S. 112–118.
8. Sbornik istoricheskikh materialov, izvlechennyh iz Arhiva Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kancelarii / pod red. N. Dubrovina. Vyp. 1., Vyp. 7/26. SPb., 1895. 480 s.
9. Golosenko I.A. Fenomen «russkoj vzyatki»: oчерk istorii otechestvennoj sociologii chinovnichestva // ZHSSA. 1999. № 3. S. 105–119.
10. D'yakonov M.A. Oчерki obshchestvennogo i gosudarstvennogo stroya drevnej Rusi. 2-e izd. SPb., 1908. 489 s.
11. Polnoe sobranie russkih letopisej, izdannoe po Vysochajshemu poveleniyu Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Komissieyu. T. 2. Ipat'evskaya letopis'. 2-e izd.. SPb.: Tip-ya M.A. Aleksandrova, 1908.
12. Biblioteka literatury Drevnej Rusi / RAN. In-t rus. lit. (Pushkinskij dom); pod. red. D.S. Lihacheva i dr. T. 4: XII vek. SPb: Nauka, 1997. 685 s.
13. Nosov N.E. Ulozhenie o kormleniyah i sluzhbe 1555–1556 gg. // V kn.: Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny / otv. red. M.B. Sverdlov. L.: Nauka, 1985. T. 17. S. 58–87.
14. Demidova N.F. Sluzhilaya byurokратиya v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovanii absolyutizma / otv. red. A.A. Preobrazhenskij. M.: Nauka, 1987. 233 s.
15. Pисar'kova L.F. CHinovnik na sluzhbe v konce XVII – seredine XIX veka // Otechestvennye zapiski, 2004. № 2. S. 358–370.
16. Opyt priblizitel'nogo ischisleniya narodnogo dohoda po razlichnym ego istochnikam i po razmeram v Rossii: materialy k proektu Polozheniya o gos. podohodnom naloge. SPb.: Tip-ya P.P. Sojkina, 1906. 95 s.
17. Chevtaeva N.G. Sociologiya chinovnichestva v Rossii: dorevolucionnoe nasledie i sovremennost'. // Mir Rossii. 2009. № 3. S. 85–113.
18. Serov D.O. Petr I kak iskorenitel' vzyatochnichestva // Istoricheskij vestnik. 2013. T. 3. № 150. S. 70–95.

19. Balkovaya V.G. Akcideniya i ee znachenie dlya razvitiya tamozhennoj sluzhby Rossii XVIII veka // Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2012. № 4. S. 5–10.
20. Lohvickij A.V. Kurs russkogo ugolovnogo prava. SPb., 1871. 704 s.
21. Percov E.P. Iskusstvo brat' vzyatki: rukopis', najdennaya v bumagah Tyazhalkina, umershego titulyarnogo sovetnika. SPb.: Tip-ya N. Grecha, 1830. 74 s.
22. Chekhov A.P. Orator // Sobranie sochinenij v dvenadcati tomah. T. 4. M.: Gos. izd-vo hudozh. lit-ry, 1961. S. 469–472.
23. Serov D.O. «Vzyatkov ne imal, a davali v pochest'...». Vzyatochnichestvo v Rossii ot carya Alekseya Mihajlovicha do carya Petra Alekseevicha // Otechestvennye zapiski. 2012. № 2 (47). S. 211–223.
24. Karnovich E.P. Zamechatel'nye bogatstva chastnyh lic v Rossii: ekonomiko-istoricheskoe issledovanie. SPb., 1874. 380 s.
25. Korolenko V.G. Istoriya moego sovremennika. Kniga vtoraya // Sobr. soch. v 5 t. T. 4. L.: Hudozh. lit-ra, 1990. 655 s.
26. Berlin P.A. Russkoe vzyatochnichestvo kak social'no-istoricheskoe yavlenie // Sovremennij mir. 1910. № 8. S. 42–50.
27. Saltykov-Shchedrin M.E. Pompadury i pompadurshi. Skazki. M.: Pravda, 1985. 447 s.
28. Kataev I.M. Doreformennaya byurokratiya: po zapiskam, memuarom i literature. SPb.: Kn-vo tipol-izd. «Energiya», 1914. 180 s.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 14.01.2026

Принята к публикации: 16.02.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 14.01.2026

Accepted for publication: 16.02.2026

Информация об авторах:

Вахмистров Вениамин Павлович, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова (194044, Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6), кандидат философских наук, доцент, e-mail: ven_sv@mail.ru, SPIN-код: 7354-2875

Доильницын Алексей Борисович, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, доцент кафедры теории и истории государства и права (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат юридических наук, доцент, e-mail: uristigps77@mail.ru, SPIN-код: 5486-8499

Information about the authors:

Vakhmistrov Veniamin P., associate professor of the department of military and political work in the army (forces) of the Military medical academy named after S.M. Kirov (194044, Saint-Petersburg, Akademika Lebedeva str., 6), candidate of philosophical sciences, associate professor, e-mail: ven_sv@mail.ru, SPIN: 7354-2875

Doilnitsyn Alexey B., deputy head of the Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, associate professor of the department of theory and history of state and law (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), candidate of law, associate professor, e-mail: uristigps77@mail.ru, SPIN: 5486-8499